
СКАЗКИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ
ПЁТР
БОЛЬШАКОВ
КСЮША И ОСТРОВ
ДИКИХ ДРУЗЕЙ
КНИГА ПЕРВАЯ

Пётр Большаков

Ксюша и остров диких друзей. Книга первая

https://litres.ru/74716039
SelfPub; 2026

Аннотация

Ксюша мечтала о книге про джунгли — но денег не хватило. А потом странный старик в рваном плаще протянул ей старую, потрёпанную книгу и сказал: «Открой, когда будешь готова».

В ту же ночь Ксюша проснулась на берегу незнакомого острова. Здесь говорят звери. Морской лев ворчит о больной спине. Макак падает с пальм и уверяет, что так и планировал. Кабан философствует о еде. Попугай знает всё — и ничего. А глубоко в джунглях, в храме, который не найти на карте, ждёт второй камень. Тот, что может вернуть её домой.

Но есть кто-то ещё. На северном берегу, где пахнет одиночеством, живёт павиан. Он не любит людей. Он не любит обезьян. Он не любит даже море. Он просто ждёт. Молча. Каждую секунду.

Ксюша не знает, что дружба иногда начинается не со слов, а с правильного молчания. И что дом — это не всегда одно место. Иногда их два.

Для детей 7–11 лет и для взрослых, которые ещё помнят, как это — удивляться.

Пётр Большаков
Ксюша и остров диких друзей. Книга первая

ПРОЛОГ. Тот самый вечер

Ксюша пересчитала деньги — ещё раз, потом ещё раз. Двадцать, десять, пять, пять, два. Не хватало. Она сжала монеты в кулаке, разжала, посмотрела на них так, будто они могли поменяться. Они не поменялись.

Книга лежала за стеклом — не на полке, а в витрине, одна, и вокруг неё было пусто. Орангутанг смотрел с обложки не на Ксюшу и не мимо неё, а куда-то в середину, спокойно и чуть насмешливо. За ним были джунгли, и они были не нарисованные, а настоящие: листья шевелились, хотя ветра не было, свет падал сквозь ветки и ложился на землю пятнами, как монеты, и пахло дождём и чем-то зелёным.

Ксюша прижалась носом к стеклу. Стекло было холодным. Её светлое личико, слегка усыпанное веснушками, отражалось в стекле.

Рюкзак висел на одной лямке — вторая болталась длин-

нее. Она поправила лямку и снова прижалась к стеклу.

— Ты уже который раз приходишь, — сказал продавец. Он протирал стойку тряпкой, низко склонив голову, и его черные кудрявые волосы почти полностью закрыли тощую шею. Парень был молодой, но глаза смотрели по-стариковски устало — без злости, просто с привычным утомлением.

— У меня немного не хватает денег, — сказала Ксюша. — Я накоплю. Я приду ещё.

— Это последняя, — ответил он, не поднимая головы. — Надеюсь, дождётся.

Ксюша кивнула.

Дверь звякнула.

Вошёл мальчик в куртке не по погоде — толстой, с застёжкой до подбородка, хотя на улице было тепло. Рюкзак висел на одной лямке, вторая болталась длиннее. Он не посмотрел ни на витрину, ни на Ксюшу, подошёл к кассе, положил деньги — много, больше, чем нужно, — и указал пальцем.

На ту самую книгу.

Продавец посмотрел на Ксюшу.

Ксюша посмотрела на продавца.

Он пожал плечами — не извинился, не отвернулся, просто пожал плечами. Достал книгу из-за стекла. Мальчик схватил её, не бережно, как хватают то, что уже куплено, — и вышел, не глядя ни по сторонам, ни на Ксюшу, ни на что.

Дверь снова звякнула. И всё.

Ксюша стояла. Витрина была пустая, и на том месте, где лежала книга, остался только прямоугольник чистого стекла — без пыли, без отпечатков, как будто книги там никогда и не было. Она пошла к дверям, не быстро и не медленно, а так, как идут, когда внутри всё остановилось. Она не плакала, но нижняя губа чуть дрожала, и воздух доходил только до половины. В широко распахнутых голубых глазах, которые до этого просто смотрели, впервые блеснула влага, но так и не пролилась.

Продавец хотел сказать что-то вслед, открыл рот, закрыл и приподнял руку — не помахал, а просто приподнял, как человек, который не знает, что делать с руками, когда сказать нечего.

Курносая девочка глянула последний раз на продавца и вышла. Два жёлтых хвостика покачивались с каждым шагом, и она удалялась за стеклом витрины — маленькая, прямая, с кулаками, сжатыми по бокам. Потом витрина кончилась, и она исчезла.

Она не знала, куда идёт. Просто шла — мимо витрин, мимо фонарей, мимо людей, которые спешили и ничего не замечали. Морось висела в воздухе, не дождь, а недоразумение: мелкая, холодная, липкая. Ксюша не подняла капюшон, ей было всё равно, и мокрые хвостики прилипли к щекам.

Она остановилась у другой витрины — книжной лавки — и прижала ладони к стеклу. Там были книги, много, целые полки, корешки, обложки, названия. Но той не было. И не будет.

— Я найду в другом магазине, — сказала она вслух.

Тихо, так тихо, что сама едва услышала, и сама себе не поверила. Потому что это была не просто книга, не та, которую можно найти в другом магазине и не та, которую можно заменить. Это был мир — мир, где орангутанг смотрит на тебя как на своего, где листья шевелятся, где всё настоящее и где тебя ждут, даже если ты ещё не пришла.

Она отняла ладони от стекла. На стекле остались два мокрых отпечатка. Ксюша отвернулась.

Кто-то коснулся её плеча.

Не схватил, не толкнул — коснулся легко, как касаются, когда хотят сказать «я здесь», но не хотят пугать. Она обернулась.

Старик. Плащ когда-то был коричневым, теперь стал цветом грязной дороги. Ботинки разные: один чёрный, другой рыжий. Шарф завязан узлом — не красиво, а как попало, будто он завязывал его на ходу и забыл довязать. Через плечо — сумка, кожаная, потрёпанная, тяжёлая, ремень врезался в плащ, и от неё пахло солью и чем-то далёким, не духами и не пылью.

И глаза. Светлые, почти прозрачные, как вода в ручье, когда смотришь на дно и видишь каждый камешек, но не можешь достать. В них не было жалости, не было просьбы, не было хитрости — только внимание. Он смотрел не на неё, а сквозь, как будто видел что-то за её спиной или внутри, чего она сама в себе не знала.

Он молчал. Просто стоял и ждал, не протягивал руку, не говорил «подайте» и не говорил «помогите» — стоял и смот-

рел, как человек, которому не нужны деньги, но который зачем-то здесь.

Ксюша посмотрела на него, потом на свои мокрые кроссовки, потом снова на него. И вспомнила — не слова, не фразу, а руку. Мамину руку, которая протягивала монеты у перехода, и чужую ладонь, в которую они падали, и мамин голос, тихий, без пафоса: «Возьмите. Купите хлеба».

Ксюша сунула руку в карман, выгребла мелочь, две бумажки и трамвайный билет, мятый, с оторванным уголком, и протянула ладонь.

— Вот, — сказала она. — У меня больше нет.

Просто протянула руку и стояла — с мокрой ладонью, с монетами. Старик посмотрел на её ладонь. Долго. Не на монеты, а на неё: на то, как она держит руку, на то, что не отводит глаз, на то, что не жалеет. Потом взял мелочь — не сгрёб, а взял, каждую монету отдельно, — положил в карман плаща, трамвайный билет тоже, и улыбнулся.

Не добродушно и не тепло, а чуть криво, как человек, который знает что-то, чего ты пока не знаешь, и которому интересно, как ты это выдержишь.

Ксюша улыбнулась в ответ — не потому, что ей было весело, а потому, что внутри что-то отпустило. Не боль и не потеря, а что-то маленькое, тёплое, чего не хватало последние десять минут.

Она сделала шаг, потом ещё один. Остановилась. Ноги сами остановились, как будто кто-то тихо сказал: подожди.

Старик повернулся к ней.

— Ты знаешь, что такое настоящее желание?

Ксюша молчала.

— Не «хочу мороженое», не «хочу новую куклу» и не «хочу, чтобы завтра не было математики». — Он шагнул ближе, не угрожающе, просто ближе, так, чтобы она видела его глаза. — А такое, от которого внутри всё сжимается. Такое, от которого не спишь. Такое, ради которого отдашь всё, что есть, даже если это горсть мелочи и трамвайный билет.

Ксюша не отвечала, но губы у неё чуть дрогнули — не от холода.

— Ты знаешь, что это?

Она посмотрела на витрину лавки — на книги за стеклом, на полки, на корешки. Той, которая была ей нужна, там не было. Но она всё равно смотрела.

— Знаю, — сказала она тихо.

Старик смотрел на неё долго, потом медленно повернулся, снял сумку с плеча и поставил на землю. Сумка была тяжёлой — Ксюша услышала, как она стукнула об асфальт, глухо и плотно, как сумка, в которой лежит что-то настоящее. Он расстегнул пряжку и откинул клапан.

Книги. Несколько — не одна, не две, а несколько. Кожаные и бумажные, тонкие и толстые, с потрёпанными корешками и почти нечитаемыми названиями. Каждая была другой, и каждая пахла по-своему: одна хвоей, другая песком, третья дождём, четвёртая солью, пятая — чем-то тёплым, чем пахнет дом, в котором ты никогда не был, но почему-то знаешь, что он есть.

Ксюша смотрела на них и не понимала, но чувствовала: это не одна история, это много, и каждая ждёт, и каждая знает, кого ждёт. Старик перебирал книги, пальцы касались корешков медленно, не торопясь, и он смотрел то на книги, то на Ксюшу, то снова на книги. Пальцы прошли мимо одной, мимо другой, мимо третьей и остановились на четвёртой —

не сразу, после паузы, как будто он спрашивал не у книг, а у неё, у того, что внутри неё, у того, что сжимается, когда ты думаешь о чём-то настоящем.

Он взял книгу, вынул, подержал в ладони, посмотрел на неё, потом на Ксюшу.

— Эта, — сказал он и протянул.

Кожаный переплёт, потрескавшийся, страницы пожелтели, края обтрепались, название почти не читалось — буквы стёрлись, как будто их трогали тысячу раз. И пахло солью и чем-то далёким: чем пахнет воздух перед грозой и чем пахнет чужой дом, в котором тебе почему-то хорошо.

Ксюша взяла книгу двумя руками, как держат что-то живое.

— Это... не та книга, — сказала она. — Та была про джунгли. С картинками.

— Эта тоже про джунгли, — сказал старик. — Просто джунгли другие.

Он застегнул сумку, перекинул через плечо, и ремень снова врезался в плащ. Сумка стала легче на одну книгу, но всё

ещё была тяжёлой — в ней оставались другие, те, которые не подошли, которые ждали.

Ксюша посмотрела на сумку, на то место, где были другие книги.

— А они? — прошептала она. — Другие. Они тоже ждут?

Старик посмотрел на неё долго.

— Каждый ждёт своего, — сказал он.

И всё. Не объяснил, не рассказал, не сказал, кто они, не сказал, куда он идёт и сколько их. Просто — каждый ждёт своего, и этого было достаточно.

Он повернулся и пошёл — не быстро и не медленно, а просто пошёл, в толпу, в морось, в серый вечер, где все спешили и никто не замечал. Сумка покачивалась на его плече, тяжёлая, живая, полная тех, кто ещё не нашёл.

Ксюша хотела окликнуть — спросить, кто он, почему она, что значит «другие джунгли». Но старик исчез. Не растворился и не растаял, а просто перестал быть, как будто его и не было, как будто он был только здесь, на этом месте, в этот вечер и только для неё. А сумка — сумка была, Ксюша ви-

дела её ещё секунду, в толпе, между зонтиками и спешащими людьми, кожаную, потрёпанную, тяжёлую. Потом и она исчезла.

Ксюша постояла. Морось капала на обложку, и капли впитывались в кожу, как в землю. Она открыла первую страницу.

Карта. Непонятная: линии, которые не похожи на дороги, точки, которые не похожи на города, а посередине океана — одна точка, маленькая, одинокая, и рядом надпись, выцветшая до полупрозрачности: «Там, где заканчиваются карты, начинается настоящее».

Дальше шли картинки без подписей: листья, свет пятнами, кто-то рыжий на пне — не разобрать. И орангутанг. Почти такой, же как и на той книге, что была в магазине. Ксюша листала дальше. Картинки были красивые, но непонятные, как будто кто-то рисовал с натуры, а подписать забыл.

Ксюша захлопнула книгу и прижала к груди. Кожаный переплёт был тёплым — теплее, чем должен быть, теплее, чем её руки.

Она побежала домой под моросью, по лужам, мимо витрин и фонарей, мимо людей, которые ничего не замечали.

Хвостики били по щекам, книга прижималась к груди, а сердце стучало. Или это стучала книга.

Дома она не стала ужинать.

— Ксюша, суп!

— Устала, мам.

Мама посмотрела на неё, на мокрые кроссовки, на книгу, прижатую к груди, хотела спросить, что это, но не спросила. Кивнула и отвернулась к плите.

Ксюша забралась на кровать в куртке. Успела только снять кроссовки, ноги свесились с края. Открыла книгу. Карта, точка, надпись. Она провела пальцем по точке один раз, потом ещё. Палец был холодный, точка — тёплая.

Прижала книгу к груди, закрыла глаза.

— Я хочу попасть туда, — прошептала она.

Тишина. Часы на стене тикали. Морось стучала в окно. Мама мыла посуду на кухне — звон тарелок, шум воды.

— Прямо сейчас, — прошептала Ксюша. — Я хочу... я

очень хочу.

И где-то на другом конце мира, в пещере, которую не найти ни на одной карте, под слоем высохших листьев, в темноте, которая была старше всех слов, сверкнул камень. Он был похож не на драгоценность, а на глаз — живой, тёмный, с длинными ресницами трещин на поверхности. Он вспыхнул, закрутился в пространстве, оставляя за собой светящийся след, тонкий, как нить паутины, и остановился.

Точка на карте в руках Ксюши стала тёплой, потом горячей, потом такой тёплой, что Ксюша не почувствовала, как уснула. Часы на стене тикнули и замерли. Стрелка дрогнула, будто задумалась, и пошла в другую сторону. Но Ксюша этого не видела — она уже была далеко.

Ей снились глаза. Огромные, тёмные, с длинными ресницами. Они смотрели на неё с любопытством и спокойствием, не моргали и не отводили взгляд, просто смотрели и ждали, как будто знали, что она придёт.

ГЛАВА 1. Первый берег

Ксюша лежала.

Не двигалась, не открывала глаза — просто лежала и слушала. Не потолок, не гул холодильника, не скрип кровати, когда мама проходит по коридору. Шум, другой: ровный, глубокий, бесконечный, как дыхание чего-то огромного. Волны накатывали и уходили, накатывали и уходили, и между ними была тишина — короткая, живая, в которой трещали насекомые, шуршали листья и где-то далеко кричала птица, один раз, протяжно, и замолкала.

Ксюша открыла глаза.

Небо. Не потолок, а небо — такое голубое, что резало. Не голубое из окна и не голубое на картинке, а то, которое бывает только тогда, когда лежишь на земле и смотришь вверх: огромное, без края. Листья пальм шевелились медленно, не от ветра, а будто дерево дышало, и свет падал сквозь них пятнами, тёплыми и дрожащими. Одно пятно легло Ксюше на руку. Она посмотрела на него. Пятно было настоящим.

Песок. Белый, мелкий, он скрипнул под ладонями, когда она оперлась. Горячий, не тёплый — горячий. Ксюша отдёрнула руку и посмотрела на ладонь. Песчинки. Настоящие. Не приснились. Но она не помнила, как легла. Место было не знакомым и знакомым одновременно. Она не испугалась. Внутри было пусто и звонко, как в колоколе, по которому

ударили в полной тишине.

Что-то мешало на шее. Не давило, не холодило — просто было. Ксюша подняла руку и нащупала верёвку. Тонкую, шершавую. Она потянула её и посмотрела.

Камень. Маленький, тёмный, гладкий, с длинными ресницами трещин на поверхности. Он был тёплым — теплее, чем её рука, теплее, чем песок под ладонью.

Ксюша не помнила, откуда он. Не помнила, чтобы надевала его. Но он был — и он был её.

Океан был перед ней — бесконечный, не как на картинке в книге и не как в телевизоре. Он дышал: волны шли к берегу и уходили, шли и уходили, и от них пахло солью, не той, которая в солонке, а другой, живой, которая пахнет рыбой, водорослями и чем-то далёким.

Ксюша сидела, не двигалась, не дышала. Это был не сон. Во сне не бывает так: во сне не чувствуешь, как песок скрипит, не пахнет и не болит коленка, которую ты ударил вчера. А здесь пахло, скрипело, болело.

— Где я? — прошептала она.

Никто не ответил. Океан шумел, пальмы шуршали, птица крикнула ещё раз и замолчала.

Ксюша посмотрела на свои руки, на коленки, на кроссовки — мокрые, в песке, — на куртку, в которой уснула вчера. Она не переодевалась, она уснула в кровати, в своей комнате, с книгой на груди.

Книги не было.

Ксюша пошарила вокруг: песок, ракушки, водоросли. Нет книги. Сердце сжалось — не сильно, но сжалось.

Рюкзак лежал рядом, в песке, ремень зарылся. Она открыла. Книга была внутри. Та самая.

— Книга, — прошептала она. — Вот ты где.

И тогда она услышала. Не звук — дыхание. Рядом, тяжёлое и медленное, как будто кто-то большой спал в трёх шагах от неё.

Ксюша повернула голову.

Глаза. Огромные, тёмные, с длинными ресницами. Они смотрели на неё спокойно, без страха и без злости, как смот-

рят те, кто никуда не спешит, кто видел тысячу рассветов и тысячу закатов и знает, что всё пройдёт — и это тоже пройдёт.

Морской лев.

Он лежал на боку, огромный, серый, шкура в складках, как старый плащ, ласты сложены, голова приподнята. Один глаз чуть прищурен — не от солнца, а от привычки. И глаза — те самые, из сна.

Ксюша не закричала и не отпрыгнула. Она просто смотрела, и он смотрел, и между ними было что-то, чему не было названия: не страх, не удивление, а узнавание, как будто они уже виделись — не в жизни, а в чём-то другом, старше жизни.

— Ты, — прошептала Ксюша.

Морской лев моргнул. Медленно. Один раз.

— Ты проснулась, — сказал он.

Голос был низким и тяжёлым, не добрым и не злым — просто голос, который говорит то, что есть, без украшений и без шуток.

— Я... я спала, — сказала Ксюша. Глупость, она понимала, что это глупость, но слова шли сами.

— Ты не спала, — сказал морской лев. — Ты пришла. Это разные вещи.

Он медленно поднялся, огромный и тяжёлый, ласты скрипнули на песке, посмотрел на неё ещё раз, потом на океан, потом снова на неё.

— Аркадий, — сказал он.

— Что?

— Моё имя. Аркадий. Ты будешь спрашивать. Все спрашивают. Я говорю сразу. Экономлю время.

Ксюша моргнула.

— Ксюша, — сказала она.

— Знаю, — сказал Аркадий. — Книга сказала.

Он развернулся, тяжело и медленно, ласты оставляли борозды в песке.

— Куда мне идти? — спросила Ксюша.

Аркадий остановился, не обернулся.

— Туда, — сказал он и показал ластой вглубь острова, где пальмы стояли плотнее, где свет был гуще и где пахло зелёным.

— А что там?

— То, что тебе нужно.

— А что мне нужно?

Аркадий повернул голову и посмотрел на неё долго.

— Ты пришла сюда не за ответами, — сказал он. — Ты пришла за вопросами. Иди. И не мешай камням. Они и без тебя хорошо лежат.

И пошёл к воде, медленно и тяжело, не оборачиваясь. Дошёл, остановился, посмотрел на океан и нырнул без всплеска — просто исчез, как будто его и не было.

Ксюша осталась одна.

Она сидела на песке, обняв колени и положив на них подбородок, и сидела долго — может быть, минуту, может быть, десять, не считала. Было страшно. Не так, как в темноте, и не так, как когда слышишь шум за окном, а другой страх — тихий, большой, как океан: страх от того, что ты один, не знаешь, где ты, не знаешь, вернёшься ли, и не знаешь, ждёт ли тебя кто-нибудь.

Ксюша закрыла глаза, вдохнула, выдохнула.

— Ладно, — сказала она вслух.

Встала, отряхнула песок с коленей, посмотрела вглубь острова — где пальмы, где тень, где то, что ей нужно, — и пошла.

Песок кончился через двадцать шагов, началась трава: высокая, колючая, она цеплялась за кроссовки. Ксюша шла медленно, каждый шаг — хруст, каждый шаг — новый запах: трава, земля, что-то гнилое и сладкое, что-то живое и острое. Пальмы стояли плотнее, свет падал сквозь них пятнами, тёплыми и дрожащими, и тень была прохладной. Ксюша шла по тени, по свету, по тени, по свету.

Тишина. Нет, не тишина — звуки, но другие, не город-

ские. Здесь каждый звук был отдельным: лист упал, и ты слышишь, как он упал, ветка треснула, и ты знаешь, какая ветка, птица крикнула, и ты видишь, откуда. Ксюша остановилась и послушала. Остров дышал. Не метафора и не красивое слово — он дышал: вдох — ветер в листьях, выдох — тишина, вдох — волны на берегу, выдох — пауза, вдох — треск насекомого, выдох — ничего.

Ксюша никогда не слышала, как дышит мир. В городе не слышно, в городе слишком много шума. А здесь было только дыхание.

Она пошла дальше.

Кокос упал в трёх сантиметрах от её носа. Не рядом и не близко — в трёх сантиметрах. Ксюша увидела тень, быструю и тёмную, отпрыгнула, и кокос вонзился в землю, песок брызнул. Она упала на спину, сердце колотилось.

— Осторожнее! — раздался голос сверху.

Ксюша подняла голову.

На пальме висел макак — вниз головой, одна нога зацеплена за лиану, хвост болтается, руки сложены на груди, и смотрит на неё сверху вниз, серьёзно, как будто это она ви-

новата. Морда была серьёзная, как у директора школы. И совершенно не подходила к тому, что он висит вниз головой.Хвост был в два раза длиннее его самого, жилистый и голый на кончике. Он постоянно жил своей жизнью: то нервно похлопывал его по плечу, то пытался завязаться узлом от усердия, пока хозяин висел вниз головой.

— Ты роняешь кокосы? — спросила Ксюша, поднимаясь.

— Я не роняю, — сказал макак. — Я проверяю. Гравитация. Она не всегда работает. Я проверяю, работает ли она сегодня.

— Работает, — сказала Ксюша.

— Вижу, — кивнул макак. — Значит, всё в порядке.

Он посмотрел на неё, прищурился, склонил голову набок.

— Ты кто?

— Ксюша.

Макак молчал, смотрел, потом сказал:

— У тебя нет хвоста.

— У людей нет хвостов.

— Значит, вы недоделанные, — сказал макак. Задумчиво и без злобы, как констатацию факта.

Ксюша не обиделась и не рассмеялась. Она просто посмотрела на него, и макак посмотрел на неё, и между ними было что-то — не дружба и не симпатия, а что-то проще, что бывает, когда два существа смотрят друг на друга и не знают, что сказать.

— Ты один? — спросила Ксюша.

— Я никогда не один, — сказал макак. — Я всегда с собой. Это очень много.

Он дёрнулся, лиана треснула, и макак полетел вниз. Ксюша отступила. Макак шлёпнулся в песок и лежал молча три секунды. Потом поднял голову — песок на морде, глаза серьёзные. Шерсть у него была редкая и жёсткая, как старая обувная щётка, и торчала в разные стороны. На макушке она стояла дыбом, словно макак только что сунул палец в розетку, а на спине слиплась от ночной влаги в тёмные стрелки. Ладони непропорционально большие, розовые, почти человеческими, и слишком голые и беззащитные на фоне колю-

чей шерсти.

— Я проверял, — сказал он. — Мягко ли здесь.

— Мягко?

— Нет, — сказал макак. — Жёстко. Но я запомню.

Он встал, отряхнулся, посмотрел на Ксюшу.

— Ты ищешь еду?

— Я ищу... не знаю, — сказала Ксюша. И это была правда: она не знала, что ищет, знала только, что ей нужно идти, что Аркадий сказал «туда» и что там что-то есть. Но что — она не знала.

Макак посмотрел на неё долго, потом кивнул.

— Иди за мной, — сказал он. — Я знаю, где кабан. У кабана всегда есть еда. И он не кусается. Почти.

Они шли вглубь острова. Макак прыгал с корня на корень, иногда падал, вставал и не говорил «я так и хотел» — просто вставал, отряхивался и шёл дальше. Ксюша шла за ним медленно и осторожно: корни цеплялись за кроссовки, ветви

хлестали по лицу, свет падал пятнами, тень была прохладной, а воздух — густым, тёплым, живым.

Они вышли на поляну. Посреди неё сидел кабан — крупный, с блестящей щетиной, — сидел на задних ногах и держал передними большую ракушку, в которой лежали мелкие красные плоды. Сидя, он был её роста, но шире — не обойти. Кабан ел их медленно, по одному: жевал, глотал, брал следующий. Он не поднял головы, когда они подошли.

— Ты пахнешь человеком, — сказал он. Не вопрос, а констатация.

— Я и есть человек, — сказала Ксюша.

Кабан поднял глаза и посмотрел на неё долго и спокойно.

— У меня был друг-человек, — сказал он. — Давно. Он был тихий. Кормил меня. Потом ушёл. Не вернулся.

Ксюша молчала, не знала, что сказать.

— Ты тоже уйдёшь? — спросил кабан.

— Не знаю, — сказала Ксюша. — Я не знаю, куда я пришла. И не знаю, как уйти.

Кабан посмотрел на неё, потом на ракушку, потом снова на неё.

— Ешь, — сказал он и протянул ракушку.

Ксюша взяла один плод — маленький, красный, тёплый, — откусила. Кисло-сладкий, с ноткой кокоса и чем-то ещё.

— Вкусно, — сказала она.

— Почти не ядовито, — сказал кабан. — Четыре штуки можно. Пятая — я не знаю. Я на пятой остановился.

Ксюша съела ещё одну. Язык покалывало, приятно, будто кто-то трогал его изнутри.

Макак схватил три штуки и запихнул в рот. Кабан посмотрел на него.

— Четыре, — сказал он.

— Я не считаю, — ответил макак, жуя.

— Тогда я считаю за тебя. Ты уже съел семь. У тебя будет чесаться язык.

— У меня всегда чешется язык, — сказал макак.

Кабан вздохнул — не зло, устало, как человек, который привык к тому, что мир населён теми, кто не считает.

Ксюша сидела на траве, ела и слушала. Остров дышал вокруг неё, волны шумели далеко, птицы кричали, ветер трогал листья.

— Слушай, — сказала она кабану. — А кто-то ещё есть на острове? Кроме вас?

Кабан жевал медленно, проглотил.

— Есть, — сказал он. — Попугай. Он прилетит, он всегда прилетает, когда есть еда. Орангутанг. Он сидит на пне и думает. Уже неделю. Или месяц. Я не считаю. Питон. Он лежит, не двигается. Говорит, что это экономия энергии. Я говорю, что он ленивый. Он говорит, что я ем слишком много. Мы оба правы.

— А ещё? — спросила Ксюша.

Кабан замер, перестал жевать и посмотрел на неё долго.

— Есть павиан, — сказал он тихо.

Макак перестал жевать. Тишина стала громче.

— О нём не говорят, — сказал кабан.

— Почему? — спросила Ксюша.

Кабан посмотрел на неё, потом на океан, потом снова на неё.

— Потому что он не хочет, чтобы о нём говорили, — сказал он. — Он живёт на северном берегу. Один. Не приходит, не уходит. Просто сидит и смотрит на море.

— Он злой? — спросила Ксюша.

Кабан молчал долго, потом сказал:

— Он не злой. Он просто не хочет. Не хочет говорить, не хочет быть рядом, не хочет, чтобы его трогали. Это не злость. Это усталость.

Ксюша кивнула и не стала спрашивать дальше. Но слово «павиан» осталось внутри — тихое, тяжёлое, как камень на дне кармана.

— А храм? — спросила она. — Есть на острове храм?

Макак и кабан замерли одновременно, как будто кто-то нажал паузу.

— Откуда ты знаешь про храм? — спросил кабан.

— Книга, — сказала Ксюша. — В книге была карта. И надпись. И камень.

Кабан посмотрел на неё долго, потом на макака. Макак пожал плечами.

— Есть, — сказал кабан. — Глубоко в джунглях. Никто не ходит туда. Даже орангутанг Мандарин не ходит. Он говорит, что там живут воспоминания.

— Какие воспоминания?

— Не знаю, — сказал кабан. — Я не ходил. Никто не ходил. Храм просто есть. Как океан. Как небо. Он есть. И всё.

Ксюша молчала, смотрела на ракушку, на красные плоды, на свои руки.

Воспоминания. Храм. Камень. Книга. Всё связано, она не знала как, но чувствовала — как чувствуешь, что за дверью кто-то стоит: не видишь, не слышишь, но чувствуешь.

— Мне нужно туда, — сказала она тихо.

Кабан посмотрел на неё, макак посмотрел на неё.

— Не сегодня, — сказал кабан. — Ты не готова. Иди к Мандарину. Он умный. Он знает слова, которых нет. Он скажет тебе, что делать.

— Где он?

— Иди туда, — кабан показал вглубь острова, — где солнце ложится на верхушку самой высокой пальмы. Там его пень. Он сидит на нём и думает.

Ксюша встала и отряхнула траву с коленей.

— Спасибо, — сказала она.

Кабан кивнул, макак помахал рукой, и Ксюша пошла вглубь — где пальмы стояли плотнее, где свет был гуще и где пахло зелёным. Она шла, и остров дышал вокруг неё: вдох, выдох, вдох, выдох.

Она не знала, что ждёт её там, не знала, вернётся ли, не знала, кто такой павиан, что живёт в храме, почему камень вспыхнул и почему книга привела её сюда.

Но она шла.

И остров дышал.

Глава 2. Северный берег

Ксюша шла.

Джунгли сомкнулись за ней через десять шагов — не сразу. Сначала пальмы стояли редко, и свет падал на землю большими тёплыми пятнами, потом плотнее, потом так плотно, что свет стал тонким, как нитка: он просачивался сквозь листья и ложился на тропу бледными полосками.

Стало тише. Нет, не тише — по-другому. В городе тишина — это когда ничего не слышно, а здесь тишина — это когда слышно всё: каждый лист, каждую ветку, каждое насекомое, которое где-то далеко жужжит и не знает, что его слышат.

Ксюша шла медленно. Корни цеплялись за кроссовки, ветки трогали лицо — не больно, просто трогали, как будто проверяли: настоящая ли ты, можно ли тебя пропустить.

Воздух стал другим: гуще, теплее, он пах землёй и чем-то сладким, не цветами, а гниением — тем самым сладким гниением, из которого растёт новое. Ксюша вдохнула, выдохнула и пошла дальше.

Тропа была едва заметная — не дорога, а намёк. Кто-то ходил здесь давно: может быть, кабан, может быть, Мандарин, может быть, никто. Просто трава примялась, просто ветки отогнулись в одну сторону, и этого было достаточно, чтобы идти. Свет падал не пятнами, а полосками — как будто кто-то прорезал в зелёном окна.

Ксюша считала шаги. Не потому что хотела, а потому что если считать — не страшно. Один, два, три, четыре.

На сорок третьем шаге она поняла, что заблудилась. Не испугалась — просто остановилась, посмотрела назад: тропа была. Посмотрела вперёд: тропа была. Но она не знала, та ли это тропа. Может быть, она шла по кругу, может быть, пришла туда, откуда вышла, может быть, джунгли были бесконечными.

Она стояла и слушала. Где-то далеко крикнула птица — один раз, протяжно, и замолчала. Ветер прошёл по верхушкам пальм, шуршание, как будто кто-то перелистывает страницы. И тишина.

Ксюша сделала шаг, потом ещё один — не по тропе, а рядом, туда, где свет был чуть ярче и где воздух пах не гниением, а солью. К морю. Если идти к морю, не заблудишься. Море всегда на месте.

Она почти наступила на него.

Питон лежал поперёк тропы, свернувшись и не двигаясь. Его чешуя была тёмно-зелёной, с бурыми пятнами, и в тех местах, где свет падал на неё, блестела, как мокрый камень. В каждом пятне стоял свет — как в луже. Голова лежала на кольцах, а глаза — жёлтые, с вертикальными зрачками — смотрели на Ксюшу без интереса и без злости, с усталостью.

Ксюша замерла. Нога висела в воздухе, в трёх сантиметрах от его хвоста.

— Ой, — сказала она.

Питон не моргнул.

— Ты идёшь шумно, — сказал он. Голос был низким и тягучим, как будто каждое слово стоило ему усилия. — Я слышал тебя сорок шагов назад. Ты считаешь вслух.

— Я не считаю вслух, — сказала Ксюша.

— Считаешь, — сказал питон. — Губами. Я слышу губы.

Ксюша замолчала и посмотрела на свои губы. Они двигались. Она не заметила.

— Прости, — сказала она. — Я не хотела наступить.

— Знаю, — сказал питон. — Никто не хочет. Все наступают. Это ваша природа. Ходить и наступать.

Он чуть приподнял голову — не высоко, на ладонь, как будто даже это было слишком много.

— Ты ищешь Мандарина, — сказал он. Не вопрос.

— Да. Кабан сказал...

— Кабан говорит много, — перебил питон. — И ест много. Это одно и то же. Он заполняет тишину едой и словами. Я не осуждаю. У каждого свой метод.

Он сдвинул кончик хвоста влево.

— Иди туда. Три пальмы. Поворот. За поворотом — коряга. За корягой — он. Сидит. Думает. Уже неделю. Или месяц. Я не считаю. Считать — отнимает энергию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.